ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

24 СЕН 1987

я 1987 года ● 3

Книги: новинка недели

Неразлучимость с поэзией

«ПИСАТЕЛЬ должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте», — говорится в последней статье Александра Блока, и там же о том, что «неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия...»

Чрезвычайно примечательны в этом отношении жизнь и творческая судьба самого поэта, давшие обильный материал для исследований на темы «Блок и театр», «Блок и музыка». Два года назад в издательстве «Советский художник» вышла обстоятельная работа М. З. Долинского «Искусство и Александр Блок», где подчеркивалось, что жизнь поэта прошла «и под знаком изобразительного искусства, в тесном общении с ним» и рассматривались некоторые аспекты этого общения.

В центре же новой книги «Александр Блок и русские художники» А. М. Гордина и М. А. Гордина (издательство «Художник РСФСР», 1986 г.) — творческие и личные связи поэта с Виктором Васнецовым, Нестеровым, Врубелем, Добужинским и другими.

Как и книгу Долинского, новое издание интересно уже просто держать в руках и рассматривать. Оно открывается фотографией блоковского кабинета, где на стене висит рисунок, сделанный Рерихом к «Итальянским стихам» поэта, который, по его словам, прочно «вошел» в его жизнь. За этим первым знаком постоянного присутствия в блоковской душе подобных впечатлений следует целый поток прекрасно подобранных иллюстраций. Рукописи стихов соседствуют здесь с картинами, давшими толчок к их созданию (например с «Гамаюном, птицей вещей» Васнецова). Знаменитый «Демон поверженный» предстает и в эскизах, и в выразительных фрагментах, словно снова и снова, напряженно и взволнованно рассматриваемый и осмысляемый самим Блоком, который, по его словам, «с Врубелем... связан жизненно».

Авторы книги показывают, что роднит живопись художника, а конкретно—«Царевну-Лебедь» с образом Фаины в пьесе «Песня Судьбы», и напоминают, что «вероятно, некоторые излюбленные и зрелым Блоком символы (такие, как «сине-лиловые миры», «небывалый закат») обязаны своим возникновением Врубелевскому «Демону».

Листаешь, листаешь страницы книги, и на память приходят строки молодого Блока, где словно бы напророчена его судьба:

Погружался я в море
клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Если певучая, туманная «рань» творчества поэта родственна, по его собственному убеждению, живописи Нестерова, «предвесеннему, чистому и благоуханному воздуху» его картин, то очень вскоре ее тревожно освещают зарницы грозных предчувствий, и Блока все больше «затягивает» Врубель.

В страстных драматических поисках художника, в самой его трагической судьбе как бы угадывались будущие центральные блоковские темы. Авторы книги приводят замечание исследовательницы Н. А. Дмитриевой: «...Врубель мог бы, как его младший современник и глубоко родственный ему по духу поэт, сказать о себе: «Голоса поют, взывает вьюга, страшен мне уют».

С другой стороны, мощно возникший в лирике Блока «ветер с севера» — суровое дыхание жизни, ощущение предгрозья— находил живейший отклик у ряда современных поэту художников, притягивал и влек их к нему. Так, важным моментом творческой биографии Н. Сапунова стала работа над декорациями блоковского «Балаганчика», и последние дни его короткой жизни прошли в близком общении с поэтом. «Мне кажется, есть нечто общее в том, что я сейчас переживаю, с путем, когда-то пройденным Вами»,— писал Блоку Н. Купреянов. Блестящим взлетом явились для Ю. Анненкова его иллюстрации к поэме «Двенадцать».

Последний эпизод заставляет припомнить сказанное авторами о художественных воззрениях Блока: «Он не принимал натурализма, пытающегося подражанием действительности заслониться в искусстве от искусства равно, как и самодовлеющей условности, которая за искусством прячется от действительности». Анненкова поэт дотоле не знал, и манера, в которой тот работал, вероятно, была для него довольно неожиданной. Однако Блок взволнованно и благодарно воспринял сделанное художником как глубоко отвечающее тому «гулу» и «ветру», которые слышал, ощущал во время работы над своей последней поэмой.

Это драгоценное свойство— «стремление Блока при встрече с другим художником понять прежде всего суть его позиции» —по мнению авторов книги, во многом объясняет, почему его встречи с русскими художниками «оставили столь заметный след в художественной жизни эпохи».

А. ТУРКОВ.